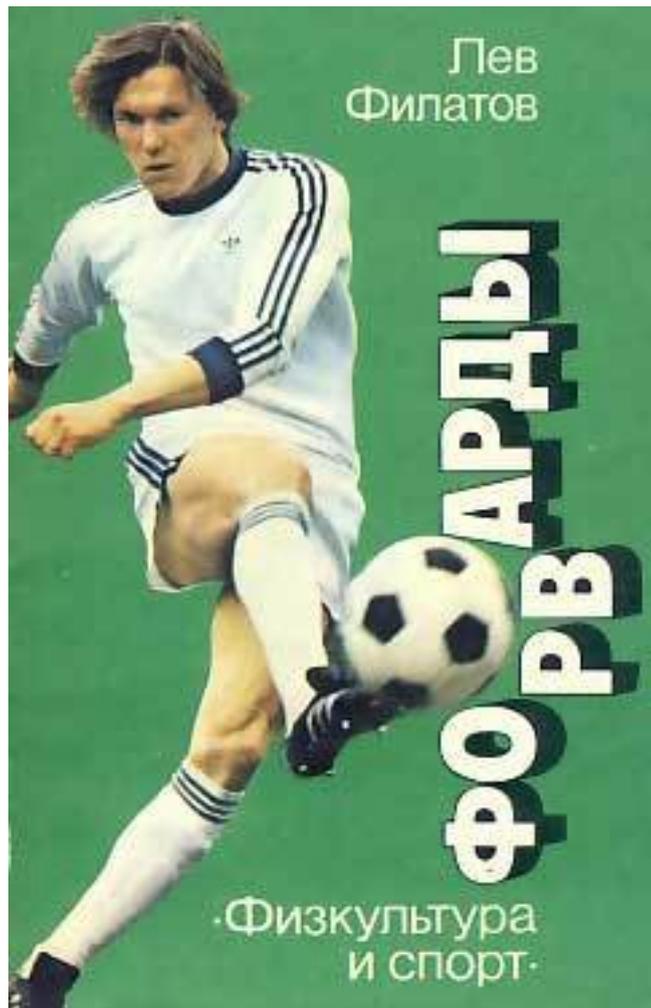

Лев
Филатов

ФОРВАРДЫ

·Физкультура
и спорт·

Лев Филатов

Форварды

Филатов Л. И.

Форварды / Л. И. Филатов —

Перед вами сборник очерков о лучших форвардах советского футбола, членах Клуба имени Григория Федотова. В этом клубе состоят те, кто в официальных матчах забил не менее ста мячей. Очерки рассказывают о своеобразии мастерства форвардов, об их судьбах, счастливых и сложных. Их написал журналист Лев Филатов, один из учредителей Клуба, видевший на поле, в игре всех своих героев. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Содержание

КЛУБНАЯ ГАЛЕРЕЯ	11
АЛЕКСЕЙ ГРИНИН	12
ВАЛЕНТИН НИКОЛАЕВ	14
ГРИГОРИЙ ФЕДОТОВ	16
ВСЕВОЛОД БОБРОВ	19
ВЛАДИМИР ДЁМИН	21
НИКОЛАЙ ДЕМЕНТЬЕВ	23
БОРИС ПАЙЧАДЗЕ	25
СЕРГЕЙ СОЛОВЬЕВ	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Лев Филатов

Форварды

Кому доводилось писать торопясь, пугаясь оставшихся до последнего, предельного срока минут, знают слова, услужливо являющиеся на выручку. Сам пишущий не слишком им доверяет, рад от них отмахнуться, поискать иные, которые не набиваются, таятся, храня достоинство единственной верности, но он лишен выбора. Даль в своем словаре определил журналистику как «срочную словесность». Пишущим о спорте, обязанным в мгновение ока изложить свои впечатления о только что увиденном, доподлинно известно, насколько скупа и жестка бывает такая словесность. Особенно легко даются преувеличения: всегда тут как тут, словно набор детских красок, слова «красивый», «блестящий», «необыкновенный», «высочайший», «неповторимый», и прочее в том же роде.

Я прибегаю к этой оговорке по той причине, что собираюсь завести речь о талантливости и заранее смущен и стеснен тем, что и это понятие в «срочной словесности» тоже среди ходовых, его направо и налево прикалывают к майкам спортсменов, едва те «проклянутся». Назовут талантливым, как по плечу похлопают, и забудут. И сколько людей, столь щедро поощренных, прошло стороной, не оставив о себе памяти!

А спортивный талант существует, – правда, не в таких больших количествах, как нас второпях заверяют. Сразу же ограничу предмет разговора: интересуют меня форварды.

Футбольный природный дар точно так же трудно поддается словесному изображению, как и любой другой. Заманчиво представить, коль скоро подразумеваются физические свойства, классически сложенного, как античная статуя, атлета. И плечи у него гордо развернуты, и вся мускулатура – одно загляденье, и ноги длинные, легки и сильны. За долгие годы созерцания футбола я видывал на поле людей безупречной стати. Но затрудняюсь назвать «грека» или «римлянина», сделавшегося видным мастером. Возможно, кто-то со мной не согласится и предъявит свои примеры. Но много их не будет. Случай же, когда скульптурного красавца на трибунах окрещивали «дубиной», а приземистого, с кривоватыми ножками, похожего на краба величали «красавец игрок», я наблюдал неоднократно во время матчей юношеских команд. Потому юношеских, что здесь идет отбор «в мастера».

У футбола собственная мера красоты и целесообразности. Он принимает любых, не считаясь с антропометрическими и эстетическими представлениями. До поры до времени в футбол играют все. Точнее сказать, гоняют мяч, резвятся, азартничают, разминают косточки, дышат полной грудью. Когда же остаться должны считанные единицы, те, что будут появляться на поле Лужников, собирая толпы зрителей, те, чьи имена у всех на устах, и кругом только и разговоров что об их редкостных доблестях, тут футбольные контролеры становятся дотошными, придирчивыми, пропускают по одному, в час по чайной ложке, да еще оглянувшись вслед, вздыхают, что дали маху, не доглядели, позволили проникнуть лишним. Среди пропущенных мы опять-таки встретим любого – «метр с кепкой» и гиганта, худущего и крепыша, налитого силой. Но все они, считается, знают толк в футбольной игре, имеют для нее природные данные, ростом и весом не обусловленные, и отнюдь не только внешние.

Расхожая фраза «неужто из ста миллионов нельзя отобрать одиннадцать сильных футболистов?» потому и прижилась, что основана на вторичных аргументах – выучке и усердии, а первичный – одаренность – в расчет не берется.

Форварда называют «человек-гол». Оставим в стороне назидательные нравоучения о том, что хорошая игра возможна при равном участии всех, что единство обороны и атаки совершенно обязательно и неспроста именуется «гармонией», что без надежных партнеров никому на поле подвигов совершать не дано. Отнесем все это к разряду истин, известных каждому.

Счастливым удар форварда выделен из всего захватывающего футбольного зрелища как жемчужина. Он поднимает на ноги в порыве ликования болельщиков, его повторяют в разных ракурсах, с разных камер по телевидению, ловят фотографы, описывают во всех подробностях репортеры, его переносят на схемы и включают в учебники, о нем, если он особенно удался, вспоминают и много лет спустя очевидцы, а сам нанесший этот удар, пока жив, готов снова, с нарастающей картинностью рассказывать, как его угораздило ударить и попасть.

Скорее всего, гол от того высоко ценим, что он редок. Иногда утверждают, что публика тянется на стадион смотреть голы и чем их больше, тем полнее она удовлетворена. Думаю, что это не так. Не часто, но бывает, что одна команда забивает в ворота другой пять, шесть, а то и больше мячей. Какова же реакция стадиона? Первые два он примет с подобающим воодушевлением, к третьему отнесется прохладнее, а остальные будет сопровождать и смехом и свистом. Иные зрители и вовсе потеряют интерес – «нечего было смотреть, обыграли как детей...» Ценители футбола возвращены на том, что гол рождается в борьбе, в преодолении, в муках и тогда-то он берет за душу. Зрелище преодоления, когда с обеих сторон в равной мере приведены в действие сообразительность, быстрота, ловкость, когда игроки видны и все вместе и по одиночке, когда выпукло проявляются характеры, один на всех, командный, и свой, особый, каждого, когда непомерно караются самые пустяшные оплошности да еще вмешивается случай со своими жуткими шуточками, – такое зрелище и захватывает нас полностью в часы, как мы его называем, настоящего футбола. Оно близко нам по духу, это зрелище, оно напоминает нам все то, чем мы сами живем за пределами стадиона, и мы жаждем, чтобы лучшие чаяния сбылись, чтобы восторжествовали умение, воля, справедливость, как в сказке с добрым концом. И гол – это развязка, венец, знак того, что силы, ушедшие на преодоление, выразились сполна.

Голов забивают не так много. 1:0, 2:1, 2:0, 3:1 – самые распространенные цифровые символы побед. С таким счетом играют равные, достойные друг друга команды, это внешняя примета классного футбола. И в этом благополучие, здоровье игры. Убежден, если матчи вдруг начнут приносить счет 10:8, футбол обмелеет, измельчает, меньше станет говорить нашему сердцу, превратится из столкновения судеб в спор технических совершенств.

Готов предположить, что мое утверждение не всех устроит, но думаю, что фатальные промахи, падения некстати, рикошеты, попадания мяча в штанги позволяют аудитории сполна пережить матч, ощутить его драматизм. Да, мы гневаемся, брюзжим, критикуем, но и живем футбольными злоключениями. Даже страшно представить футбол вычерченным по линейке...

Оттого и ставят так высоко форвардов, людей, умеющих в одном ударе выразить все упования, оправдать всю яростную, изо всех сил борьбу за преодоление. Гол при случае способен забить каждый из находящихся на поле. И он будет горд. А форвард обязан забивать из матча в матч. Собственно говоря, он тогда только и заслужит право называться форвардом. И, может быть, наиболее точную ему характеристику дал болельщический фольклор: «Не уходит с поля без гола». Как редки голы, так же редки и форварды. И уже одно это обязывает признать за ними особого рода талант.

... У газетчиков ценятся затеи: разделы, рубрики, аншлаги, конкурсы, призы, клубы... Без них нельзя – злоба дня стучится в двери редакций.

Осенью 1967 года Константин Сергеевич Есенин, из историографов советского футбола выделяющийся фантазией и тягой к занимательности, принес редактору еженедельника «Футбол – Хоккей» список одиннадцати футболистов, забивших в чемпионатах страны больше чем по сто голов. Его глаза за стеклами очков горели: «Вы чувствуете, их одиннадцать – футбольное число!» Но редактор не клюнул на забавное совпадение: «А почему только голы чемпионата страны? Разве те, что забиты в матчах сборной или в розыгрыше европейских кубков, хуже?». Огоньки за стеклами очков погасли, я был назван скучным человеком. Спустя несколько дней

Константин Сергеевич принес другой список. Эффект одиннадцати пропал, возникло пресловутое тринадцать. Но зато проглянули контуры более справедливого отбора.

Не помню, кто произнес слово «клуб». А его название явилось сразу, из есенинского списка, потому как Григорий Федотов еще в 1948 году первым из советских форвардов забил сто мячей в чемпионатах. Игрок с легендарной славой, к моменту возникновения Клуба его не было среди живых, и тем более было уместно почтить его память.

К. Есенин дал свои «сотни», художник Игорь Массина нарисовал эмблему Клуба, сотрудниками редакции были опрошены форварды на тему: «Самый памятный гол», а мне, редактору, осталось написать вводные слова, заканчивавшиеся так: «Верим и надеемся, что Клуб привлечет внимание молодых футболистов и вдохновит их».

И в номере еженедельника от 26 ноября 1967 года Клуб имени Григория Федотова родился на свет.

К. Есенин на протяжении многих лет холил и лелеял Клуб. Находил забытые голы, что-то уточнял в одному ему доступных таблицах, спорил с оппонентами, благодарил за подсказки и напоминания, благо почта Клуба не иссякала. А сам Клуб тем временем расширял свои ряды, и это более всего говорило в его пользу, он потерял бы смысл, оказавшись кружком для избранных, для небожителей.

Хотя люди мало-мальски интересующиеся футболом знали о существовании Клуба Федотова, помещался и проживал он на маленьких страницах еженедельника и был как бы собственностью редакции.

Правда, самими бомбардирами он был принят со всей возможной серьезностью. Всеволод Бобров, когда узнал, что в первый есенинский список одиннадцати он не попал, с досадой обронил: «Сколько там не хватает? Трех? Да я и сейчас, если меня выпустят на поле, забью!» А было ему тогда сорок пять. Другой известный форвард засыпал меня письмами, где ставил под сомнение подсчеты К. Есенина и уверял, что забитые им мячи в протоколах приписали другим, он не придавал этому значения, а теперь, когда появился Клуб, требует, чтобы справедливость была восстановлена, и даже грозил пожаловаться на нас с Есениным.

Александр Пономарев, человек азартный, заводной, не то чтобы спорил, а задибался, убеждая меня, что с ним плохо обошлись, поместив на третью строку, ниже Никиты Симоняна и Валентина Иванова: «У меня же больше всех голов в чемпионатах – 148, а они в сборной назабивали! Я же не виноват, что в мое время сборной не было...»

Все утряслось, когда К. Есенин, затратив не один год на розыски голов, забитых в розыгрышах Кубка СССР, прибавил их и членам клуба и кандидатам. Претензии отпали, были улажены, как видно, все, считавшие себя записными бомбардирами. Не так уж и много их оказалось. С 1936 года голы в матчах чемпионатов страны забивали примерно две с половиной тысячи футболистов. А в Клубе из них – сорок.

Пока интерес к Клубу вертелся вокруг списка его членов, форвардов уже не игравших и имел историко-арифметический уклон, он не находил широкого резонанса. Но как только мир болельщиков проводывал, что до заветной сотни совсем немного кому-то из тех, кто сейчас на поле: Рамазу Шенгелия и Давиду Кипиани, Виктору Колотову и Виталию Старухину, Андрею Якубику и Юрию Гаврилову, волнения нарастали, за этих форвардов начинали переживать сообща, каждому их голу радовались – словом, в федотовский Клуб провожали с почетом, всем миром.

Сделавшись сообществом не одних только знаменитостей прошлого, но и современников, Клуб Г. Федотова снялся со страниц еженедельника и пошел гулять по свету. О нем теперь рассуждают на трибунах стадионов, упоминают по телевидению и радио, пишут в газетах.

И, быть может, самый стойкий и жизнеспособный корешок Клуба – это интерес к нему молодых форвардов, поглядывающих на его двери. Они не скрывают этого и в частных беседах и в газетных интервью.

Я пробегаю глазами список членов Клуба Г. Федотова, пытаюсь мысленно представить их себе в игре (а я видел всех) и замечаю, что меня привлекают не какие-то общие их черты, а совсем наоборот – их непохожесть. Они не похожи друг на друга ни внешне, ни темпераментом, ни манерой поведения, ни своими игровыми достоинствами, ни своей футбольной судьбой, ни возрастом, когда им сопутствовали наибольшие удачи. Да и мяч в магический прямоугольник ворот они посылали по-своему, как им было удобно и естественно. Впрочем, всегда и во всем так: соответствовать общепринятым, обязательным требованиям – это квалификация, а переступить их пределы, выразить в деле свою природу, натуру, индивидуальность – это искусство.

В наше время, когда игра строится на быстрых тактических экспромтах, выход на ударную позицию игрока, которого противник не ждет – полузащитника, защитника, стал признаком налаженной командной игры. Тем не менее, когда в конце чемпионата мы смотрим список преуспевших бомбардиров, там оказываются все те же знакомые фамилии. Люди, умеющие забивать голы, оправдывают свою репутацию из года в год.

В ходу и такое соображение: больше забивают форварды ведущих команд, у них преимущество перед остальными, им легче. В Клубе, например, состоит вся пятерка нападающих ЦДКА послевоенных лет: Алексей Гринин, Валентин Николаев, Григорий Федотов, Всеволод Бобров, Владимир Дёмин. Или Никита Симонян, Сергей Сальников, Николай Дементьев, Анатолий Ильин, игравшие в «Спартаке» в пятидесятые годы. Или Эдуард Стрельцов, Валентин Иванов, Геннадий Гусаров, с именами которых связано преуспевание московского «Торпедо» в начале шестидесятых. Или Олег Блохин и Виктор Колотов из киевского «Динамо», блиставшего в семидесятых. Или Давид Кипиани и Рамаз Шенгелия, вознесенные в Клуб гребнем волны успехов тбилисского «Динамо» на рубеже восьмидесятых.

И все-таки «сотня» далась далеко не всем, даже признанным бомбардирам, игравшим в командах чемпионского достоинства, отмеченным золотыми медалями. Назову нескольких: московские динамовцы Карцев, Трофимов, Конов, Численко, Козлов, киевские динамовцы Онищенко, Биба, Лобановский, Бышовец, спартаковцы Татушин, Исаев, Осянин, Севидов, тбилисские динамовцы Баркая, Гуцаев, араратовец Андриасян... Каждого из них останавливали свои шлагбаумы: травмы, потерянные сезоны, уход из футбола прежде срока. Так что поостережемся с выводом, что состоящим в ведущих клубах легче. Сто голов – не технический норматив, это и повесть о спортивной жизни, которую не каждому удастся прожить сполна и благополучно.

Наверное, если бы в Клубе состояли одни чемпионы, это выглядело бы однообразно. Не становились чемпионами Олег Копаев, Виктор Ворошилов, Анатолий Банишевский, Борис Казаков, Геннадий Красницкий, Эдуард Малофеев, Виталий Старухин, Берадор Абдураимов, Хореи Оганесян, Валерий Газзаев, Сергей Андреев, играли они в командах скромных, а забивать забивали, и все в почетном Клубе.

У жизни в футболе свое время, свои измерения, неровные и капризные. Команды и те сходят со сцены, меняют названия, принадлежность к спортивным обществам, кочуют из лиги в лигу. Тренерские карьеры хоть и делятся десятилетиями, но они прерывистые – то фавор, то опала. А уж футболисты мелькают, сменяя друг друга, так, что иной раз и не уследишь, начинаешь наводить справки: «А где такой-то?» – и слышишь: «Закончил». Если отбросить редкие счастливые исключения, то мастеру отпущено пребывать в футболе высшего уровня с десяток сезонов.

Не все укладываются и в этот сжатый срок. Многих подводило обманчивое ощущение неистраченной, нескончаемой молодой силушки, и вдруг, как в кино, надпись через экран – «конец».

Оттого, наверное, мы и дорожим памятью о тех, кто полевые годы свои прожил душа в душу с футболом и успел ему отдать все, что мог. Но даже и такие люди проходят перед нашими глазами гораздо быстрее, чем хотелось бы.

Часто напоминают: «Футбол меняется. Он сейчас другой, чем в прежние годы». Но изменяется он не сам по себе, не по велению свыше, не в один прекрасный день. Его изменяют труд, мысль и искусство больших тренеров и мастеров. От матча к матчу, от тренировки к тренировке. Никто не приходит в футбол на готовенькое, каждому зеленое поле приходится измерять вдоль и поперек самому. Но и никто не выходит начинать с азов – выходят играть дальше.

Странно слышать, что нынешним форвардам труднее забивать. Если бы было так, не сумел бы Олег Блохин в восьмидесятые годы превзойти рекорды Александра Пономарева и Никиты Симоняна, установленные в сороковые и пятидесятые.

Современную командную скорость и маневренность, выросшую в авиационных пропорциях, ставят в противовес старому тихоходному футболу. Но разве мы, вспоминая о Чкалове, Громе, Покрышкине, читая Экзюпери, берем под сомнение их заслуги из-за того, что они пользовались аппаратами менее совершенными, чем нынешние?! Других тогда не существовало. Старый футбол пользовался той скоростью и той маневренностью, которые считались предельными. Сложность задачи выглядела точно такой же, как и сейчас.

Говорят еще и о том, что тактические ходы усложнились, мяч и игроки совершают маршруты запутанные, замаскированные, прежде легче было предусмотреть, откуда надвигается опасность – чаще всего из зоны центрального нападающего. Теперь же, когда форвардов сократили до двух, атакуют со второй линии – игроки, как их принято называть, середины поля. Однако в федотовском Клубе мы найдем полусредних нападающих – инсайдов по старой терминологии: Автандила Гогоберидзе, Сергея Сальникова, Николая Дементьева, Валентина Николаева, тех, кто сейчас был бы игроком середины поля.

Имеем ли мы право утверждать, что изобретены какие-либо небывалые способы забивания голов? Не думаю. Нам издавна известен гол после прострела вдоль ворот. После навеса и удара головой. После удара издали. После комбинационного розыгрыша мяча вблизи от ворот. После дриблинга и рывка вперед в одиночку. После скоростного прорыва. Со штрафного удара мимо «стенки». С углового. С пенальти.

Другое дело, что в наши дни к голевым ситуациям идут несколько иначе, чем прежде. Прострел с фланга может сделать не нападающий, а защитник, в комбинациях участвуют неожиданные сочетания футболистов. Но все же, если руководствоваться заключительным чертежом, голы одинаковы и прежде и теперь. И мастерства они требовали и требуют такого же, как и порыва, интуиции, отваги.

Есть голы, от которых замирает дух, их повторные, показы по телевидению смотришь – и не надоедает. Бывают голы простые, потребовавшие напора, упорства, силы, называемые «трудными». А то вдруг мелькнет гол нелепый, уродец, гол-подарок, такой, что остается руками всплеснуть. Каких только поворотов не знает футбол! Когда же речь идет о форвардах, по сто и больше раз посылавших мяч в сетку, отпадает надобность толковать об удачах, счастливых случайностях или вопиющих оплошностях противника. Сто – это класс. Так было, и так есть. Футбол, при обязательности решительно всего, из чего он скроен и сшит, живет и поживает благодаря людям, посылающим мяч в цель. И нам остается задуматься: каковы эти люди? Вы не найдете здесь жизнеописаний. Не найдете и технических характеристик, которые бы послужили учебным целям.

В сжатых очерках я хотел изложить собственные впечатления о форвардах, привлечь внимание читателя к своеобразию их судеб, манер игры, к их индивидуальности. Это же замечательно, что ни один не повторяет другого!

На этом наблюдении приходится особенно настаивать. И вот почему. То и дело сталкиваешься с вульгарным истолкованием футбола, когда игроков уподобляют фишкам, оловянным солдатикам и всю игру сводят к их механическому перемещению в нужные точки поля. Я твердо уверен, что по вине схоластов, вульгаризаторов у нас затерялось немало молодых игро-

ков, обещавших стать звездами, а некоторые, хоть и провели на поле отпущенный им для игры срок, сделали малую долю того, на что были способны.

Форвард, отмеченный талантом, заслуживает того, чтобы в командную игру – с соблюдением чувства меры, конечно, – вносились поправки на его своеобразие. От этого остаются в выигрыше он сам, его команда, да и весь футбол. Как ни странно, более всего чуток и прав бывает зритель. Он быстро выделяет яркие индивидуальности, привязывается к ним, без них для него футбол не футбол. И это не болельщическая причуда, а вывод вполне реалистический, многократно подтвержденный жизнью большого футбола.

КЛУБНАЯ ГАЛЕРЕЯ

В Клуб все вошли на законных основаниях, и какие-либо предпочтения некорректны. Как же разместить портреты в клубной галерее? Думаю, что проще и лучше всего – по возрасту, по старшинству. Тогда мы уважим тех, кто начинал, говоря по-футбольному, открывал счет, и, кроме того, в повествовании возникнет, если хотите, историческая перспектива, спутница полезная при неизбежных сравнениях, поскольку и футбол и его герои имеют свое время, свои декорации и обстоятельства.

Одно небольшое исключение все же напрашивается: не разъединять пятерых, составлявших линию нападения ЦДКА в послевоенные сезоны. Случай уникальный, повториться он не может. Пять игроков, выступавших одновременно в одной команде, забили каждый более чем по сто мячей!

Всего значения армейской команды и ее форвардов нельзя понять, если не оглянуться на те годы. Только-только кончилась война, и для многих людей возможность погрузиться в футбольные страсти была отзвуком Победы, одной из выстраданных мирных радостей.

В прохладные дни на стадион «Динамо» я ходил в солдатской шинели демобилизованного без погон. Одетые так же встречались там на каждом шагу, и мы окидывали друг друга понимающим взглядом. Многого тогда у нас не было. А футбол был. И не какой-нибудь, а за душу берущий.

В те предтелевизионные годы высоко ценилось личное присутствие на матче. Очевидец (его называли «счастливый обладатель билета») имел право на монолог любой продолжительности, мог важничать и медлить, никто из замерших слушателей не дерзнул бы перебить, потопить. Сейчас таким правом, по-моему, не пользуется никто, даже тренер сборной. Рассказы свидетелей и пересказы рассказов («а один тут говорил...»), марш Дунаевского из «Вратаря», блантеровские позывные, радиопьесы Синявского, игравшего голосом сразу за всех, чьи интонации, восклицания и недомолвки говорили нам больше, чем слова, – все это очаровывало, завораживало, горячило.

Тогда для нас не существовало никакого другого футбола кроме своего. О довоенных трех чемпионатах мира мы, болельщики, и понятия не имели, как и о послевоенном, 1950 года, прошедшем в далекой Бразилии. Турне московского «Динамо» в ноябре 1945 года по Великобритании и в декабре того же года ЦДКА по Югославии (оно теперь почему-то забыто, а в то время вызвало большой резонанс), как никакие другие последующие, были приняты близко к сердцу, пришлись в тон общему настроению.

И немудрено, что встречи с участием этих двух команд воспринимались как самое лучшее, что способна преподнести игра. Скорее всего, определенное преувеличение тут было, но честное. Мы не были эрудитами, всезнайками, скептиками, как сейчас, мы просто доверяли и любовались.

И вот он, наипрекраснейший футбол, когда бодро выбегает из-под земли и рассыпается по зеленому ковру команда, в красных рубашках и синих трусах, команда лейтенантов, как ее именовали на трибунах. Ну а уж ее пятерка форвардов – это же краса и гордость!

Так и начнем, с армейцев. По порядку номеров, справа налево, тех номеров, которые они носили на спинах, с которыми и запомнились.

АЛЕКСЕЙ ГРИНИН

Он оставлял впечатление человека сильного от головы до пят. На поле перевидаешь разных: с массивными ногами и невыразительным торсом и, наоборот, с могучим торсом и со сравнительно жидковатыми ногами, а то и таких, у кого непонятно, в чем душа держится. Потом, правда, привыкаешь, что первое впечатление обманчиво, здоровяк может оказаться неповоротливым, а тощий всех перебегает да и так врежет мяч под перекладину, что и богатырю не снилось. Гринин, с резким, прямым профилем лица, свою внешность, свое сложение оправдывал полностью. Защитника он мог и обогнать, и оттереть плечом, и обмануть. Обманывал тоже на свой лад: наносил сокрушительный удар вроде бы прежде времени, когда по всем расчетам для верности полагалось еще приблизиться к воротам. Он воплощал в себе опасность откровенного, незамаскированного рывка по правому флангу, рывка, гарантированного крепостью тела (сунешься и отскочишь) и непоколебимой уверенностью в своей правоте.

Гринин не менял принятых решений, он рвался по прямой то к угловому флагу, то наискосок на встречу с вратарем. Бил и в дальний угол и в ближний. Мастер ясных, точных линий: и сам угловые подавал, и бесстрашно надвигался на мяч, когда его набрасывали с другого фланга, мог вырваться и по центру – для разнообразия, и одиннадцатиметровые бил просто и сильно. От футбола каждый из нас волен ждать того, что ему больше по вкусу. Гринин устраивал тех, кому импонируют крепкое сложение, молодечество.

Хорошо известно, и мы в этом постоянно убеждаемся, что для футбола одной силы мало. Встречаются игроки, не умеющие соизмерять свою силу с рисунком комбинаций, с размером ворот, со смыслом игры. У них вечные перелеты, мяч улетает или за линии поля, или далеко за спину игрока, ждущего передачу. Гринин был счастливо снабжен каким-то внутренним счетчиком, знал, когда и сколько надо пустить в ход силы, все у него получалось целесообразно.

В московском «Динамо» в те годы на правом краю играл Василий Трофимов, в тбилисском – Гайоз Джеджелава. Им не приходилось сходить лицом к лицу с Грининым, вечно они располагались на противоположных – по диагонали – сторонах прямоугольного поля. А конкурировали постоянно на тех же кусках газона – два Приземистых трюкача и высокий, статный Гринин, отвергавший зигзаги и обманные виляния. Они конкурировали в спорах болельщиков – кто лучше. К чему умалчивать, будучи тогда молодым завсегдатаем «Востока», я держал сторону Трофимова. И сейчас, перевидав многих форвардов, наших и иностранных, своего мнения не переменяю. Но есть довод, перед которым невольно умолкаешь: голов Гринин забил больше, он в Клубе, а те, с кем его сравнивали, не дотянули. Довод словно бы арифметический, а упрямый.

Много лет спустя в ходе одной из дискуссий было публично высказано утверждение, напоминавшее лозунг, что нам-де следует держать курс на таких форвардов, каким был Гринин, что силовой стиль – наш стиль, таким он был и таким должен остаться. Полемичность тут, как мне кажется, дошла до тупика. Были отвергнуты не только зарубежные образцы, вроде бразильца Гарринчи, но заодно и все другое, чем располагал наш футбол. Сам Гринин, я уверен, не вкладывал в свою манеру игры какого-то особого значения, не стал бы настаивать, что только так, как он, и полагается играть крайнему форварду. Он играл как ему сподручно, в этой естественности и заключалось его своеобразие, потому он и не был ни на кого похож, что и позволяет вспоминать о нем десятилетия спустя. В футболе попытки наладить серийное производство одинаковых игроков не просто наивны, они и опасны.

Сам Алексей Григорьевич Гринин ответственности за то, что все упоминалось его имя в пылом споре, нести не может. Чего только не придумывают иной раз из желания добра футболу! Вспомнил я об этом единственно ради того, чтобы, пусть и косвенно, дать понять, насколько выделялся правый крайний ЦДКА Гринин, что сподобился стать чем-то вроде точки

отсчета в дискуссии. Посредственностей в такие дела не вовлекают. И напоследок скажу, что призыв «к Грининым» еще и потому был странным и тщетным, что других таких, как он, у нас не объявлялось.

ВАЛЕНТИН НИКОЛАЕВ

Вспоминая кого-нибудь из звезд прошлых лет, обычно себя спрашиваешь: «А как бы он выглядел сегодня на поле?» Знаешь, что доказать ничего нельзя, вопрос обречен повиснуть в воздухе, остается довериться воображению. Валентина Николаева, правого инсайда ЦДКА, без каких-либо «но» и «если» я легко вижу в любой нынешней команде. И приноравливаться бы ему не пришлось – вышел бы и заиграл, только называли бы иначе – игрок середины поля. Не на него ли глядя, тогдашний тренер ЦДКА Борис Аркадьев в своей книге «Тактика футбольной игры» еще в 1950 году, предвосхищая перемены, написал, что было бы заманчиво из линии нападения одного игрока перевести в полузащиту? Николаев в самом деле нес в себе зерно тактических открытий. Он играл по всему полю, от ворот до ворот, и это не была беготня – он выцарапывал мяч у атакующих противников, переправлял его своим форвардам и, как мы знаем, раз уж ведем о нем рассказ, забивал сам, видя в этом не случай, оказию, удачу, а строгую обязанность.

Сейчас игроков подобного образа действий немало, они даже обязательны. Но таких, которые, как Николаев, регулярно бы забивали голы, можно пересчитать по пальцам. Так что правый инсайд ЦДКА не только в объеме работы, как ныне принято выражаться, был равен современным игрокам середины поля, что уже само по себе удивительно, ибо тогда никто к этому его не принуждал, но он еще не мыслил для себя футбола без завершения атаки.

В современном футбольном лексиконе существует понятие игрока «конкретного» и «неконкретного». Второй это тот, кого можно увидеть повсюду, он трудится не за страх, а за совесть, во всем участвует, футболка на нем мокрая, хоть выжимай. А кончится матч, и трудно вспомнить, что же он сделал: и решающие атаки прошли без его участия, и ворота свои не спасал, и порученный ему игрок противника то и дело вырывался на свободу. Николаев был игроком предельно конкретным. В какой-то мере и его партнер справа Гринин и Федотов с Бобровым, считавшиеся сдвоенным центром нападения, зависели от Николаева – он их разгружал от так называемой черновой работы. Должен признать, что тогда, глазами молодого болельщика, я не видел Николаева таким, каким вижу сейчас. Зрелищно он проигрывал остальным четверым. От тех ждали чудес, а он возле этих чудес хлопотал, как ассистент, сам обычно забивал голы как бы только для счета, чтобы перевернули цифру в глазнице башни на Восточной трибуне. Теперь я понимаю (тренер и его товарищи, конечно, знали это и тогда), что без Николаева и вся игра ЦДКА не так бы складно шла и многие из чудес не состоялись бы.

Прочно вклинился в историческую хронику гол Боброва в матче ЦДКА с московским «Динамо», сыгранном в сентябре 1948 года. Гол и впрямь памятный, эффектно сделавший армейцев в последнюю минуту чемпионами. Он будет мной упомянут еще раз, когда речь пойдет о Боброве. Тот матч закончился со счетом 3:2. Один из трех мячей, второй, забил Николаев. Об этом теперь мало кто помнит. А ведь без этого удара ничего бы у армейцев не вышло!

Полноватый, с коротковатыми ногами, круглоголовый, он по силуэту напоминал восьмерку, ту, что носил на спине. Ничего не было в его наружности такого, что давало бы романтический отблеск. Это потом, когда он сделался тренером, а я журналистом и мы познакомились, я разглядел его лучистые глаза, милую улыбку, короткие, по-детски кудрявые и потому странно седеющие волосы и ощутил, что передо мной чрезвычайно привлекательный человек. До матча его команды или после, когда ни обратись, можно быть уверенным, что Николаев скажет все как есть, ничего не упустит, не затемнит. Матч выигран, а он досадливо машет рукой: «Да ничего хорошего! Один закатали еле-еле, а могли три пропустить...». Матч проигран, а он, погоревав, вдруг улыбнется: «А вообще, я вам скажу, играли неплохо».

Однажды на ответственном заседании он держал ответ после поражения молодежной сборной. Игра проходила за границей, телевидение ее не транслировало. В таких случаях рас-

стилают ковер оправданий, всем известных, которые для удобства пользования можно было бы давно записать на пластинку: и самолет задержался, и в автобусе полночи тряслись, и поле неважное, да еще не разрешили на нем потренироваться, и окна гостиницы выходили на шумную улицу, и кто-то из игроков прибыл скрыв травму, и судья свистел невпопад, благоволил к другой команде... Николаев постоял лицом к аудитории, повертел, не раскрывая, тетрабочку в руках, попереминался с ноги на ногу и отрезал: «Да что толковать? Сильнее они были, чисто нас переиграли». Эта небывалая фраза была произнесена настолько чистосердечно, в ней выразилось такое понимание дела, что ни у кого из изготовившихся к долгому расследованию не нашлось, что сказать. На том все и кончилось, Николаева отпустили с миром.

Поговаривают, что он везучий тренер. Два раза молодежная сборная страны под его началом становилась чемпионом Европы. В семидесятом его родной клуб, который он тогда тренировал, в Ташкенте проигрывал дополнительный матч московскому «Динамо» 1:3 за звание чемпиона, а под конец все феерически перевернулось, и пришла победа 4:3. Если бы существовал клуб знатных тренеров, то и в него вошел бы этот человек, всю жизнь верой и правдой, «от ворот до ворот» служивший футболу. Везучий тренер? Легко бросить словцо, оно словно бы необходимое, с улыбочкой, да и плохо ли тренеру быть везучим! Только не вяжется представление об игроке Николаеве, себя не жалевшем в футбольных трудах, с везучим тренером Николаевым. Везение как манна небесная, а Николаев человек земной, футбольную землю он обрабатывал в поте лица. И от молодых своих игроков того же требует. Не случай его козырь, как у везунов, а служение.

ГРИГОРИЙ ФЕДОТОВ

В своей книге «Звезды большого футбола» Николай Старостин писал: «Достаточно мне было увидеть Григория Федотова в раздевалке, как я с первого же взгляда понял, что это незаурядный игрок».

Вот как, еще не на поле, а в раздевалке! И это верно. Не только наметанный взгляд знатока примечал в Федотове нечто из ряда вон выходящее, и мы, юнцы, взирали на него как на диво дивное. Было это в довоенные годы, на матчи «Металлурга» обычно ходило не так много народу – тогда была эра динамовско-спартаковская. Но прошел по Москве слух, и болельщики двинулись «на Федотова, на Гришу». Лет десять спустя его на трибунах стали почтительно именовать Григорием Ивановичем, а объявился он Гришей.

Для меня он так и остался навсегда в двух обликах: Федотов довоенных сезонов и послевоенных. Бывает, футболисту за тридцать, а он с трибун все такой же, как в девятнадцать. О Федотове полагается сказать, что на футбольном поле, перед нами, прошла вся его жизнь. Он и умер, ненамного пережив день своего расставания с игрой.

Юный Гриша со светлой есенинской челкой, да и весь светлый, деревенский добрый озорник, сразу привлекал к себе внимание пружинистой согнутостью в плечах, наклоном тела вперед, вольным, свободным шагом в низкой посадке, как на рессорах. В нем была какая-то добродушная мягкость, он словно нарочно показывал себя таким, и думалось, что вот-вот он выпрямится, расправит плечи, приосанится и станет похож на остальных молодцеватых футболистов. Нет, он не шутил, не прикидывался, таким он и остался ни на кого не похожим, чуть склоненным к земле, расслабленным, никакой не вояка, мирный, покладистый парень. И одно это заставляло с нетерпением ждать, что же будет дальше.

А дальше он получал мяч, который оказывался ему удивительно впору, и бежал с ним все так же чуть пригнувшись, длинными шагами, с виду не быстро, потому что не частил, а на самом деле страшно быстро, что обнаруживалось, когда защитник отставал. Даже не хочется называть то, что он делал, служебными словами: дриблинг, финты, навес, прострел, удар. Тогда что-то исчезнет. Верно, все это он делал, но настолько по-своему, не заученно, а по-федотовски, что вроде бы он показывал нам всем, как еще можно играть в футбол. Все, чего касалась большая федотовская нога, выглядело совсем не так, как мы привыкли видеть. Сильно пущенный им мяч почему-то мягко и удобно снижался прямо под удар партнеру. Вратарь на месте, а мяч после прикосновения Федотова его таинственно огибает и ложится в сетку. Ему бы полагось бежать влево – там свободно, а он режет угол, сближается с защитником, и, будто не замечая его, прокидывает мяч вперед, и продолжает бег, уклонившись от столкновения, и бьет, почти уже падая, в дальний угол. Мяч летит к нему, он склоняется почти до травы и бьет подъемом ноги в верхний угол. Федотов на поле, и ты глазеешь, очарованный, и за счетом матча не следишь, ждешь, когда же снова он встретится с мячом и что-то еще невиданное покажет.

Считалось, что Федотов «идеально маскировал свои взрывы». Именно так отозвался о нем тренер Михаил Якушин. А мне представляется, что он не был притворщиком, что более всего и сбивало с толку защитников, привыкших ждать заготовленных каверз.

Он не развлекал публику, он удивлял и восхищал. Было известно, что он из Ногинска, футбольных университетов не проходил, просто рожден для футбола и все тут. На левом краю ему было просторно, он там резвился и тешил душу. Немного погодя, оказавшись в ЦДКА, Федотов был переведен в центрфорварды. Это было повышение в должности. Тут надо было и партнерами заведовать и обязательнее стали голы. Федотов с первого же матча освоил новую роль, став построже к себе, щедрее к своим товарищам. Но федотовского в нем не убавилось. Под другим, прямым, углом находились теперь от него ворота, ему даже стало удобнее. О федотовском ударе, одном из труднейших, – с лету с поворотом – писали, изготавливали учебные

кинограммы. Не знаю, помогло ли это кому-нибудь. Я же помню: для Федотова все четыре угла ворот были одинаковы, он попадал как по заказу, как на спор, будто большая его нога брала мяч и швыряла куда он хотел, в любую точку, дурача и приводя в отчаяние вратарей.

Евгений Евтушенко в стихотворении, посвященном Всеволоду Боброву, назвал Федотова «гением паса».

Он знал Федотова послевоенного, Григория Ивановича, поэтому и отвел ему как бы вспомогательную роль. А видел бы его до войны, когда тот был Гришей, возможно, пришли бы иные слова.

Когда в 1945 году возобновился чемпионат, Федотову было двадцать девять. Рядом с ним возник Всеволод Бобров, на шесть лет его моложе, в расцвете сил, и тоже центрфорвард. Тренер Аркадьев изобрел для них вариант сдвоенного центра нападения. Такого еще не было в нашем футболе. Федотов принял это как должное. Теперь трибуны увлекались Бобровым, его прорывами, дриблингом и голами, а Федотов не то чтобы ушел в тень, а принорвился, стал отступать назад, предоставляя молодому, окрыленному успехами Боброву действовать на направлении главного удара. Ну а помочь, подыграть партнеру для Федотова было просто. Свои голы тем не менее он продолжал забивать исправно и в 1948-м первым забил сотый в матчах чемпионатов.

Не объявись в ЦДКА Бобров, Федотов, вероятно, продолжал бы оставаться единственным центрфорвардом. Но Аркадьеву все равно пришлось бы что-то изменять. Послевоенный Федотов был другим игроком. Не годы на нем отразились. На его туго перебинтованные колени, на плечо, опустившееся после травмы, горестно было смотреть. Врожденная плавность движений стала бережной, опасливой, на единоборство ему уже надо было решаться, делая над собой усилие, а когда так, то игрока невольно тянет на те участки поля, где спокойнее и малолюднее. От юной беспечности, от веселого озорства не осталось и следа. По полю перемещался и прекрасно играл человек как-то быстро постаревший, посуровевший, замкнувшийся в себе. А можно выразиться и определеннее: человек битый. Футболиста старят не годы, а травмы.

Один из вечных, проклятых вопросов. Спросите любого тренера о положении дел в его команде и услышите: «Если бы не травмы...» Спросите игрока о его планах, и он не забудет прибавить: «Если, конечно, не помешает травма».

Футбол – игра рискованная. Станешь беречься, уходить от «стыков», отпрыгивать позаячи от вытянутой в твою сторону ноги, притормаживать, вместо того чтобы кинуться вперед что есть силы, и ничего не добьешься, превратишься в пустого игрока, отвергнутого и товарищами-одноclubниками и зрителями. Тут уж ничего не попишешь. В игре, где перекрещиваются предельные скорости бега, где мяч приходится постоянно отвоевывать, где сталкиваются сильные, тренированные люди, где решает мгновение, в такой игре опасность повреждения входит в условие задачи. Подчас никто не бывает виноват, а пострадавший скачет с поля на одной ноге, поддерживаемый врачом. Иной раз игрок сам переступит грань допустимого риска и, что называется, нарвется. Холодная погода, мокрое обманчивое поле тоже могут сыграть злую шутку. А сколько травм на тренировках! Там ведь тоже все всерьез, на пределе...

Если бы только по этим причинам игроки выходили из строя, оставалось бы вымолвить со вздохом: «Футбол есть футбол...» Но живет-поживает еще и подлая грубость. Более всего от нее страдают форварды, как люди, таящие в себе угрозу воротам. Они поглощены своими замыслами, своим бесстрашным движением вперед, рывками, прыжками, ведением мяча и потому становятся беззащитными, им невозможно и подумать о том, как уберечься. Тут-то их и стараются подловить (слово «подлость» скрыто в этом глаголе, как видите) под благовидным предлогом «самоотверженной» защиты своих ворот.

С той поры, когда играл Федотов, по всему свету много сделано во славу футбола. И стадионы понастроили, и телетрансляции доставляют к нам на дом матчи со всего света, и уйма увлекательных турниров напридумана, и тренироваться стали по-научному, и система

игры менялась не раз, а противоядие против грубых приемов не найдено. Футбол бережет свой принцип равенства: с каждой стороны по одиннадцать человек, правила едины во всем мире, условия турниров объявляют заранее и составляют так, чтобы всех поставить в одинаковое положение. Нет только равенства между злоумышленной грубостью и тем наказанием, которое за нее отмеривается. Разве можно сравнить безобидную судейскую желтую карточку с ударом сзади по ногам вдохновенно и красиво кинувшегося к мячу форварда?! Или пропуск одного календарного матча грубияном с тем, что им поверженный выбывает на полсезона?

Григорий Федотов принял на себя больше, чем кто-либо другой, несправедных ударов. И вот странность: это широко известно, об этом вспоминают в мемуарах – словом, исторический факт. Однако нигде не сыщешь фамилии тех, по чьей злобе беспримерное дарование форварда, сделавшегося гордостью отечественного футбола, было преждевременно урезано. Остро не хватает «черного списка» – его бы побаивались. Вместо этого миндальничаем, отводим глаза, прощаем. С чисто технической точки зрения грубый прием ведь ни в коем случае не неизбежен, достаточно защитников, играющих классно и порядочно, их принято уважать и ценить столь же высоко, как и умелых форвардов.

Разговор на эту тему был бы уместен и в очерках о многих других форвардах. Он возник в связи с именем Федотова, потому что его судьба со всей возможной очевидностью поведала нам о футбольном злодействе. И, может быть, потому еще, что Федотов был доверчив и незлобив, он с удивлением смотрел на тех, кто его цеплял и валил с ног.

Есть форварды – рыцари определенных достоинств. Я затрудняюсь выделить какие-либо стороны дарования Федотова. Идут годы, сменяют друг друга на поле поколения, а Федотов в памяти держится особняком, как мастер, выразивший себя искусством игры. Необычайно удачно, что он первым забил сто мячей и Клуб носит его имя. Это неспроста, не воля случая. Это по заслугам.

ВСЕВОЛОД БОБРОВ

О Всеволоде Боброве столько написано, что теряешься: а можно ли что-то сказать, не слишком повторяясь?

Начну, может быть, и со скучноватого, зато с точного – с цифр, которые оставил нам на память о себе Бобров.

В пяти чемпионатах он играл за ЦДКА. И вот как играл: в 1945 году забил 24 мяча (в 21 матче), в 1946-м – 8(8), в 1947-м – 14(19), в 1948-м – 23(17), в 1949-м – 11(14). Сложим отдельно мячи и матчи. 80 раз Бобров брал ворота, приняв участие в 79 матчах. Вот уж кто не уходил с поля без гола, так это он!

И тут же вопрос: почему так мало он играл? Да, за пять сезонов он пропустил 49(!) календарных матчей. И это в пору, когда ему игралось в охотку, когда он слыл неудержимым, когда о нем только судили да ржали.

Ему на роду было написано играть мало. Дарованием его был прорыв – наверное, самое редкое и уж наверняка самое дух захватывающее футбольное деяние. В прорыве все: бесстрашие, быстрота, ловкость, интуиция, открытый вызов преградам, лоцманское чутье фарватера, по которому предстоит провести мяч, а в самом конце – удар, ради чего все и затевается. Прорыв трудно замаскировать, а особенно тому, кто им славится. Прорывов Боброва ждали, они не могли не состояться, иначе незачем было выходить на поле этому человеку, ленившемуся попевать за всеми событиями. Он ждал своей очереди. И когда она наступала, высокий, всем заметный, бросающий послушное гибкое тело то чуть влево, то чуть вправо, Бобров резал зеленую гладь поля, как сильный катер, а поспевавшие за ним, виснувшие на нем, преграждавшие ему дорогу, оставались сзади, как две косые волны. Он возникал перед воротами как бог футбола, разгоряченный и разгневанный, не знающий удержу, и бил как-то бесшумно, тайно, легко, продолжая прорыв. Все это было как наваждение, как нечто совершающееся вопреки всему общепринятому.

Мы в каждом матче можем увидеть прорыв по флангу, заканчивающийся передачей мяча в центр, прорыв, сменяющийся паузой, когда игрок решает подождать партнера, длинный прорыв – забег, после которого у выскочившего вперед не остается сил для удара по воротам. Прорывы Боброва были редкостны тем, что доводились до конца, он не «наводил панику», не «обострял обстановку», а рвался забить. И забивал. Ясно, что не все свои голы провел он только так. Умел он и подстеречь мяч в засаде и выскочить на тонкую передачу партнера. Много было ведомо этому бомбардиру милостью божьей. Но прорыв сделал его фигурой исключительной, неповторимой. Обречен же он был играть мало из-за неотвратимой расплаты, которая его ожидала за небывалую дерзость. Бобров был крупной мишенью, и в него попадали. Не мог он не знать, что играет с огнем, но, широкая натура, не умерял себя, чего бы это ему ни стоило.

Геракл совершил двенадцать подвигов. Нисколько не сомневаюсь, что и у Боброва найдется столько же подвигов, особенно если вспомнить, каков он был еще и в хоккее с шайбой. Что до футбола, то по памяти, не вороша старых газетных страниц, назову такие: первое появление на поле после замены в матче с «Локомотивом» – и за полчаса два гола и сразу шумное признание; турне по Великобритании в 1945 году вместе со столичным «Динамо»; знаменитый третий гол в ворота «Динамо» в 1948 году, сделавший чемпионом его клуб; уже упомянутые 80 мячей в 79 матчах в ЦДКА; гол в товарищеском матче с венгерской сборной в 1952 году, когда наша команда называлась сборной Москвы, тот гол, когда он обвел всех защитников и вратаря Грошича; самый первый гол вновь созданной сборной СССР, открывший ее счет; в том же 1952 году на Олимпиаде в Финляндии, забитый болгарам; три мяча в фантастическом матче там же, на Олимпиаде, в ворота югославы, когда наши проигрывали – 1:5 и отыгрались

– 5:5. Семь? Добавьте еще пять хоккейных подвигов – они легко найдутся, и вот он спортивный Геракл – Всеволод Бобров.

Из ЦДКА Бобров перешел в клуб ВВС, созданный экстренно и самовластно за счет игроков из других команд. Хоккейная команда получилась, а футбольная не сложилась. Футбол не подчиняется произвольному приглашению более или менее известных игроков без взыскательного отбора. И даже Бобров в футбольном ВВС потерялся, его голы как бы упали в цене – не смотрелись в матчах средненькой команды при полупустых трибунах. Второй, и уже последний, взлет был у 30-летнего Боброва, когда Б. Аркадьев призвал его в сборную СССР. Интересная задача его, как видно, увлекла, он загорелся, провел несколько матчей разведывательного толка, в том числе и два с венгерской сборной, тогда, думается, игравшей ярче всех в мире, потом – три официальных матча на Олимпиаде (остался верен себе, забив 5 мячей), был выбран капитаном команды. Словом, сборная началась с Бобровым во главе. Это не забудется.

Всего-то-навсего у него 116 матчей чемпионата страны (в наше время столько можно сыграть за три с половиной сезона), всего три матча в сборной, а слава такая, что и тридцать лет спустя о Боброве говорят настолько живо и весело («Сева!»), со столькими красочными подробностями, благо и привирать-то нет нужды, что кажется – он завтра опять выйдет на поле, всех обведет и забьет с прорыва свой гол. Остаться для людей живым, без хрестоматийного глянца, всемогущим Бобром, войти в стихи, в книги и тем самым продолжать незримую службу футболу – удел редкостный. Двенадцать подвигов Геракла – один из вечных сюжетов живописцев. Право, меня не удивит, если на каком-либо стадионе или в зале на стенах изобразят подвиги Боброва.

ВЛАДИМИР ДЁМИН

Со старым футболом уходят и слова. «Бек», «центр-хав», «инсайд» – анахронизмы. Возникают новые – «стоппер», «либеро», «игрок середины поля». «Крайний нападающий» сейчас еще говорят, они пока существуют, но трудно поручиться, что сохранятся. Большинство играющих в линии атаки теперь просто «нападающие», перемещаются по полю как им удобно. А вот слово «краек» не услышишь. Этого нежного наименования прежде удостаивались крайние нападающие невысокого роста, неуловимые как ртутные шарики, крепенькие как боровички, мастера скоростного ведения мяча, которым поручалось завязывать атаку. Сейчас, сидя у телевизоров, мы то и дело слышим попреки комментаторов: «А фланги-то пустуют». Замечания резонные. Без игры на флангах у ворот образуется что-то вроде дорожной пробки – движение закупоривается, атаки становятся монотонными. У хорошо организованной команды на края поля врываются поочередно полузащитники и защитники, становясь на какое-то время крайними форвардами. В старом же футболе, когда в штате – состояли пять, а потом четыре нападающих, фланги не пустовали, там постоянно находились мастера своего дела, и в том числе особо заметные, пользовавшиеся неизменной симпатией зрителей «крайки». Симпатия возникала из парадоксальности противостояния: на мощного, рослого защитника набегал с мячом малыш и как бы на смех его обыгрывал и обгонял. Такими «крайками» были тбилисец Г. Джежелав, киевлянин М. Гончаренко, московские динамовцы С. Ильин и В. Трофимов, спартаковец Б. Татушин. «Крайком», левым, был и армеец Владимир Дёмин.

Когда Дёмин (футбольный народ звал его Дёмой) вел мяч вперед, то не кошка играла с мышью, а мышь с кошкой. И люди ждали с нетерпением, когда мяч попадет к Дёме, чтобы полюбоваться поединком, серьезность и острота которого сдобрена юмором, Дёмину удачи, его выкатывания, шли под добрые аплодисменты. Без мяча он в сравнении с остальными, находившимися на поле, впечатления произвести не мог. Выбегал последним в цепочке, забавный толстячок. С мячом же он сливался. Они, две неразлучные бусины, вместе развивали вдруг такую скорость, что непонятно было, Дёма ли гонит мяч или тот, тоже круглый, катится, увлекая за собой форварда.

При пяти нападающих подразумевалось, что крайние при первой возможности отсылают мяч в середину, низом или верхом, а там вступают в действие инсайды и центрфорвард. А между тем левый «краек» ЦДКА – в Клубе: забил сотню голов.

Нападающие ЦДКА по замыслу тренера Б. Аркадьева не делились на забивающих и обеспечивающих, их игра заметно отходила от господствовавших тогда стандартов. Тактическими принципами армейцев в атаке были «смена мест в линии нападения» и «игра в одно касание». Эти принципы позволяли команде вести игру всегда только быстро, не тратя времени попусту, и с постоянными геометрическими сюрпризами, заставлявшими противников врасплох. Секрет долгих достижений ЦДКА состоял не в том только, что красные рубашки носили отличные мастера, а в том, что командная игра была сконструирована тренером с опережением времени, была в те годы новаторской, предвосхищала и будущие скорости и будущие свободные перемещения игроков. Тогда можно было услышать: «Повезло Аркадьеву. С такими игроками как не побеждать?». Я же думаю, особенно теперь, когда перед глазами множество примеров, как иные тренеры ничего ровным счетом не добивались, имея в своем распоряжении сильных игроков, а другие, получив несколько не лучших, благодаря своему режиссерскому умению создавали интереснейшие команды, что «повезло» тогда не одному Аркадьеву, а и футболистам, оказавшимся под его началом.

Позже руководители армейского клуба, видимо ориентируясь на версию «везения с игроками», пытались призывать под свои знамена многих, уже хорошо себя зарекомендовавших. Но команда так и не сумела больше подняться на высоту, завоеванную при тренере Аркадьеве.

Дёмин был типичным «крайком» тех времен. Но, я уверен, не состоял бы в Клубе, если бы не испытал на себе благотворного тренерского влияния. Он неподражаем был в обыгрыше на левом фланге, мягко пасовал партнерам/ но он и бил по воротам слева, менялся местом и оказывался то в центре, а то и справа, бил и оттуда. Так что «краек» он был не простой, умел срываться со своего постоянного места, куролесил, задавал загадки прикрепленным к нему сторожам, в каких-то эпизодах выглядел форвардом привычным для нас сегодня.

Такие разные «птенцы гнезда» Аркадьева, они были нерасторжимы, все-то им было ясно, давалось легко. С виду, конечно, легко. Ясность и легкость, верные внешние приметы истинного мастерства, и сделали этих пятерых нападающих красой и гордостью футбола тех лет.

НИКОЛАЙ ДЕМЕНТЬЕВ

В чемпионате 1954 года левый инсайд «Спартака» Николай Дементьев провел 17 матчей и забил 7 мячей. Было ему тогда 39 лет. Это не могло не привлечь внимания: нравоучительно указывали, насколько безукоризненно Дементьев соблюдал спортивный режим, с какой тщательностью готовился к каждому выходу на поле. Нисколько не сомневаюсь в могущественном влиянии этих добропорядочных условий. И все-таки, думаю, не выручили бы они, не будь худенький, стройный, поджарый Дементьев награжден природой сначала долгой молодостью, а позже, уже пожилым, поразительной моложавостью. Когда отмечался его юбилей, свои поздравления в еженедельнике «Футбол – Хоккей» Н. Симонян озаглавил возгласом удивления: «Дементьеву пятьдесят? Не верю». Не верилось Симоняну, бок о бок с ним игравшему, не верилось и всем нам, кто имел удовольствие видеть его на поле.

Его старший брат Петр, легендарный Пека, сподвижник столь же легендарного ленинградского центрфорварда Михаила Бутусова, какое-то время пользовался более громкой известностью, чем Николай, как виртуоз, фокусник, оставлявший защитников с носом, к восторгу трибун. Позже, когда вошел в силу Николай, знатоки, правда втихомолку, не желая идти наперекор сложившемуся мнению, стали поговаривать, что «Коля пошел дальше брата, играет построже и полезнее для команды». Не собираюсь развивать это сравнение, даже братьям не дано повторить друг друга, и хорошо, что они были разными, несмотря на родственное сходство. Упомянул я о нем ради того, чтобы оттенить преданность Николая командному футболу. Он был умным и аккуратным тактиком, умел и забыть о себе, остаться невидимым, когда это требовалось, умел и вспомнить о своей обводке, мягкой и решительной, о своем прямом ударе издали, который так и называли – «дементьев-ским». Все, что он делал (а иногда и вытворял), отличалось пониманием обстановки, для него разбираться в перипетиях футбола было радостью, он с нетерпением ждал мяча, заранее зная следующий ход.

И этот-то футбольный мудрец выглядел мальчишкой! Невысокий, легкий, с белесым хохолком, хитро петлявший среди мощных противников, он, как казалось нам с трибун, играл с прищуром, с улыбочкой и не дерзкой, а доброй, непременно доброй, потому что злость темнит глаза, а ему надо было все светло и подлинно видеть, чтобы придумывать и затевать. Мальчишество ему шло, зрители ему симпатизировали, чувствуя, что перед ними человек, играющий в футбол мастерски, но с той очарованностью мячом, которая родом из нашего детства.

Николай Дементьев принадлежит к поколению, не сумевшему провести все свои сезоны – его молодые, лучшие для футбола годы отрезала война. Кроме Дементьева назовем Пономарева, Соловьева, Федотова, Бескова, Пайчадзе, Гринина, Николаева, Дёмина. Справедливость требует этого не забывать, когда мы о них вспоминаем и ведём счет забитых ими мячей.

Будучи заодно с С. Соловьевым в 1940 году переведен из Ленинграда в московское «Динамо», тогда еще молодой Дементьев под началом тренера Б. Аркадьева влил живую струю в игру начавшего было хиреть знаменитого клуба, и тот круто взмыл в чемпионы. Потом – война. В 1945 году Дементьеву уже тридцать (по привычным меркам – критический возраст), всего-то в «Динамо» он успел сыграть 26 матчей, и тут он был отпущен.

Он пришел в бедствовавший после войны «Спартак» вроде бы «немного помочь», а состоялось прямо-таки второе рождение. Девять сезонов в основном составе, 187 матчей чемпионата, 55 голов, участник трех победных финалов Кубка СССР, дважды чемпион страны! Кто мог предположить, что расцвет Дементьева наступит после тридцати и продлится почти до сорока, что в 1950 году 35-летний Дементьев в «33 лучших» получит первый номер?.. Судьба прекрасная сама по себе и вдвойне прекрасная тем, что опровергла общепринятые представления. Если долгие годы свободного защитника или вратаря, это удивляет меньше – они могут что-то сэкономить в движениях. Дементьев был инсайдом, а значит, и форвардом и игроком

середины поля одновременно, был диспетчером, от которого ждали голевых передач резвые Симонян и А. Ильин, он поддерживал темп наравне с молодым Нетто да еще обязан был сопровождать правого полузащитника противника, когда тот шел в свою атаку. Тут ни поблажек, ни пощады – игра со всех ног. Если и звали его партнеры почтительно Тимофеичем, то мы на трибунах знали одно: Коля или даже Кока.

Полузащитник «Спартака» и сборной Федор Черенков появился на белый свет спустя пять лет после ухода Дементьева из большого футбола. Когда я наблюдал за ним, постоянно на память приходил Дементьев: та же мальчишеская стать, та же видимая радость от игры, та же легкость движений и тот же светлый ум. Так что представить себе Дементьева на поле легко тем, кто видел Черенкова. Пожалуй, движения Дементьева были более классическими, что ли. Впрочем, и футбол был другой, сейчас поворачиваться приходится чаще, быстрее и резче. Да и речь идет не о копии – она невозможна, – а о силуэтном сходстве.

БОРИС ПАЙЧАДЗЕ

В ту пору, когда я заделался болельщиком, не было, как мы теперь говорим, мира футбола, был мирок, тесный и простенький. Дома, под боком, находились «Динамо» и «Спартак» – главные, вокруг которых все вертелось, а так как им надо же было с кем-то играть, то существовали еще «Локомотив» с ЦДКА да ленинградцы с киевлянами. Допускаю, что взрослые люди судили не столь элементарно, я же смотрел глазами подростка. И вот объявлен матч за Кубок СССР «Спартака» с динамовцами Тифлиса (в 1936 году так назывался Тбилиси). Тифлиские футболисты? Кто такие? Забавно будет взглянуть, как их разделает под орех «Спартак»! И я покатил в трамвае на стадион «Динамо». Началось, как я и предполагал: спартаковцы один за другим деловито забили два мяча. Стало даже скучновато. А потом что-то переменялось. Что именно, я тогда понять был не в силах. Но матч закончился со счетом 3:3. Какая-то нелепица, чепуха... Как мог «Спартак» позволить себе опростоволоситься? Пришлось спустя три дня поехать на продолжение встречи – уже не из любопытства, а с азартным предвкушением, как будут поставлены на место заупрямившиеся, неведомо откуда возникшие тифлисцы. Не стану пересказывать то, что произошло, матч этот вошел во многие книги как пример громкой кубковой сенсации и, больше того, как матч, положивший начало широкой известности тбилисского «Динамо». Основное время снова дало счет 3:3, а в дополнительное грузинская команда забила еще три мяча.

Ясно, что тогда я не подозревал, что присутствую на матче, которому суждено войти в историю. Не скрою и того, что увидеть девять мячей в воротах «Спартака» было сильным потрясением. Но хорошо помню, что мое мальчишеское огорчение каким-то странным образом (тогда это случилось впервые, а потом не раз повторялось) сглаживалось приятным удивлением от знакомства с «обидчиками».

Если выразиться совсем просто, вровень с восприятием, на которое я тогда был способен, то я открыл для себя, что в футбол можно играть красиво. Если прежде я восхищался мужеством, быстрым, бегом, пушечными ударами, то в тот раз неизвестная мне приезжая команда привнесла в игру очарование скользящих, неочевидных движений, мягкой перепасовки, изящного обмана. И был в той команде игрок, являвший собой средоточие всех ее достоинств, центрфорвард Борис Пайчадзе. С того далекого августовского дня и по сей день, всю жизнь, я стараюсь не пропускать матчей тбилисского «Динамо», а Пайчадзе до конца его карьеры, до 1950 года, стал для меня форвардом, на которого невозможно наглядеться. Мне не доводилось передавать сообщений с футбольных полей, когда он играл, писать в газеты я начал чуть позже. Но знаю, что этому человеку обязан многим, такие, как он, формируют понимание игры и вкус.

Наверное, потому не истощается наш интерес к футболу, что мы постоянно что-то в нем открываем: молодых игроков, новые и обновленные старые команды, зарубежные клубы, а иногда и целые страны, – разумеется, в футбольном смысле. С годами это входит в обиход, делается нормой, к этому привыкаешь, ждешь. У меня же получилось, что первым таким открытием стали команда «Динамо» (Тифлис) и ее центрфорвард. И как это забыть!

Пайчадзе на поле выглядел приземистым, крепко стоящим на земле. Столкнуть, сбить, оттереть его было нелегко. Про всадников говорят: «В седле как влитой». И Пайчадзе был как влитой. Встречаются искусники-недотроги – чуть тронут такого плечом, а он уже растянулся на траве. Пайчадзе был устойчив, умел отстоять мяч от нажимов и наскоков. И оставался искусником.

Он, по-моему, еще и не любил падать, считал это ниже своего достоинства. Запомнилась его перемежающаяся скорость: то рванется, то помедлит, и глядишь, всех обманул, выбрался с мячом из окружения.

С его именем связано появление амплуа «блуждающего форварда». Во времена классического «дубль-ве» было смелым новшеством, что центрфорвард перемещался, как ему заблагорассудится, по всей ширине поля. Для Пайчадзе в этом не было ничего мудреного, он знал всю футбольную работу, умел сделать лучшим образом то, что полагается крайнему нападающему, и инсайду, и, само собой, центрфорварду, выдвинутому ли вперед или оттянувшись в глубь поля. Он играл не столько по заданию, сколько по ситуации, что позволительно, когда игрок наделен безошибочной интуицией. В термине «блуждающий» есть что-то вольное, анархическое. Не всякому эта роль по плечу. Дело даже не в игровом умении. «Блуждать» полагается, не теряя ни на мгновение связи с товарищами, не считая свои права особыми, исключительными, тебе принадлежащими, тебя украшающими. Тут держит проверку личность. Пайчадзе неспроста целых десять лет был капитаном своей команды, ему доверяли, он был надежен. К, сколько я помню, никогда он не позволял себе выкинуть фортель, чтобы развлечь публику, хотя и мог, конечно, хотя этим иногда пробавлялись некоторые его партнеры. Все, что он делал, было разумно, экономно, вело к цели. Его дриблинг, ловкий по исполнению, более всего славился тем, что был «дриблингом вперед», иначе говоря, служил атаке, а не личному удовольствию. В этом отношении он опережал свое время. Знаю, что это не больше чем совпадение, но то, что Борис Соломонович долго был директором спорткомбината «Динамо» в Тбилиси, меня не удивляет – он и в молодые свои, годы директорствовал в команде.

Трижды Пайчадзе выступал в финале Кубка СССР и команда его проигрывала. Шесть раз тбилисское «Динамо» при нем становилось призером, но ни разу не было чемпионом – какой-то малости ей вечно недоставало. Что же в таком случае оставил после себя Борис Пайчадзе? Только имя да воспоминания пожилых болельщиков?

На его, да и на наше, счастье есть другой ответ. К тбилисскому «Динамо» пришли победы и в чемпионате страны и в розыгрыше Кубка СССР и в Кубке кубков.

Не могли не прийти. Это было делом времени: верность собственному истолкованию футбола как состязанию в тонкой игре рано или поздно вознаграждается. Началось же все от времен центрфорварда Пайчадзе и его команды, которая и тогда твердо настаивала на своем и тогда играла красиво и сильно. Решающие аргументы в пользу своей правоты она еще не умела привести. Новые поколения грузинских мастеров их привели. Я не вижу у нас другой команды, история которой была бы столь последовательной и непрерывной. Не нужны изыскания. Простой взгляд дает нам отчетливое и достоверное свидетельство о связи времен, о том, что команда Пайчадзе не канула в Лету, реку забвения, она прошла обязательную трудную часть дороги, ее сменили другие команды того же названия и довершили начатое. Так что ответ таков: Борис Пайчадзе оставил после себя тбилисское «Динамо».

СЕРГЕЙ СОЛОВЬЕВ

Бревно на цепях, которым, раскачав, ударяли в стену крепости, чтобы пробить, – таран, древнее орудие. Его назначение проще простого, открытое и прямолинейное – увесистая, упорная сила. «Таранами» с давних времен и до сей поры именуют центрфорвардов мощного сложения, выставленных прямо против ворот, от которых ждут, что они прорвутся сквозь стену обороняющихся, вколотят мяч в сетку. Тех, кто повыше ростом, называют еще и «столбами», на них накидывают мяч, и они должны выпрыгнуть и переправить его в ворота. Считается, что «тараны» и «столбы» уходят в прошлое, сдав полномочия форвардам маневренным и быстрым. Да и от самих названий отдают чем-то старинным, примитивным...

Все это так. И тем не менее едва ли, не каждый английский клуб и в наши дни имеет центрфорварда, в котором мы без труда можем узнать «тарана» – высокого, твердо стоящего на ногах, уверенно играющего головой. Правда, эту приметку британского футбола принято рассматривать как дань стародавним традициям, как упрямый консерватизм, о ней обычно говорят с усмешкой. Но ирония, как видно, англичан не смущает, их клубы, заметим, славятся, они частенько побеждают в розыгрышах европейских кубков. Само собой, современный английский «таран» учел новые веяния – он подвижен, отходит назад, играет с партнерами, однако едва в чужой штрафной площади запахнет жареным, он тут как тут и ловит момент. Тип такого игрока в английском футболе сложился, надо думать, еще при изобретении игры. «Таранов» там ищут, учат, культивируют, поощряют и отказываться от них не думают. Да и незачем, коль скоро они забивают. Их существование оправдано и тем, что в Англии исстари высоко ценится игра головой, а центрфорварды – «тараны» в ней большие мастаки. В свою очередь, чтобы им противостоять, и защитники обязаны знать толк в этой игре.

Так что, мне кажется, лучше бы не иронизировать по этому поводу. В конце концов, дело не в том, как называется должность, а в том, как человек, ее занимающий, с ней справляется. Можно называться модно – «либеро», «оттянутым форвардом», выучить назубок новейшие тактические заповеди, а играть так себе, впустую. А старинный «таран», все намерения которого, кажется, известны наперед, если он знает, что от него требуется, своего добьется.

Для нашего футбола «тараны» и «столбы» не характерны. Из членов Клуба, да и то с оговорками, можно к ним причислить А. Пономарева, З. Калоева, Г. Красницкого, В. Старухина. Может быть, потому их и немного, что игра в воздухе у нас вообще в меньшем почете, чем игра внизу, на земле, что комбинационный розыгрыш мяча считается главным признаком хорошего тона. Если же мы видим, что мяч набрасывают издали на штрафную площадь, где скопление игроков, то пренебрежительно отзываемся: «Навал!». Если кто-то вознамерится напрямик рассечь оборону, о нем тут же скажут: «Не видит поля!». Так из года в год, от поколения к поколению создаются представления о «хороших, верных» и «плохих, неверных» способах борьбы. Ну а если в команде есть форвард, классно играющий головой либо имеющий мужество, силу и скорость для прямого прорыва? Как тогда быть? Не отказываться же от его услуг?

Московский динамовец Сергей Соловьев самый что ни на есть «таран». Был он центрфорвардом, потом левым крайним, но смена позиции не отразилась на нем, ему все равно было, на каком участке рассекать оборону. Нельзя сказать, что это умение, – такому не научишься. Его близкий товарищ, одноклубник, вратарь Алексей Хомич рассказывал мне, что Соловьев был человеком молчаливым и застенчивым, мягким и покладистым. А на поле, преображался в Соловья-разбойника, безжалостного, неукротимого. Однажды он в течение трех минут забил три мяча в ворота московского «Торпедо», что считается до сих пор рекордом. Удача не случайная, в ней выразился его нрав форварда. Кряжистый, ноги кавалериста, широкогрудый, черноволосый – взгляд с трибуны сразу его выхватывал. А когда он срывался с места, то тут уж

глаз от него не оторвешь – что-то должно было произойти. Позже Константин Бесков вспоминал: «Бросать Соловьева в прорыв было одно удовольствие».

Соловьев не оставил о себе памяти как об игроке техничном, дриблере, решавшем запутанные тактические задачи. Он прорывался и забивал. Простота его действий покорила зрителей, и в тот день, когда гол ему удавался, он в их глазах выглядел триумфатором. Если же не забивал, то, согласно обычаям болельщического скорого суда, начинали поговаривать, что Соловьев простоват, кроме скорости и напора ничего у него нет, что он не чета своим партнерам – Бескову, Карцеву, Трофимову. Цифры на табло (в то время на башнях) властвуют над общественным футбольным мнением, давая повод то для перехваливания, то для развенчивания. Сейчас, по прошествии многих лет, я убежден, что ни за что не забил бы все свои голы Соловьев (он четвертый в чемпионатах страны, несмотря на пропущенные военные годы), если бы только и умел обгонять защитников, укрывать мяч сильными плечами и жестко бить. Скоростные прорывы не могут в таком большом количестве на протяжении многих сезонов удаваться без чувства локтя с партнерами, без непринужденности в укрощении мяча. Просто мы этого не замечали, нас устраивал сам его неудержимый рывок. К этому он нас, зрителей, приучил, этим нас избаловал, и мы, избалованные, как водится, далеко не всегда были объективными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.